

Комовская Елена Витальевна

ОТ ГОМО САПИЕНСА ДО ГОМО СОВЕТИКУСА К ГОМО ФЛОРУСУ (НА ОСНОВЕ РОМАНОВ-ИДЕЙ А. А. ЗИНОВЬЕВА И А. А. РУБАНОВА)

В статье рассматриваются тексты А. А. Зиновьева, А. В. Рубанова, которые меняют фокус представления современной автору действительности. В центре не отдельная судьба, а некое сверхсодержательное понятие. Анализ подобных понятий позволяет выстроить литературную парадигму абстрактного представления человека от гомо советикуса до гомо флоруса, помогает осознать миропонимание автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 1. С. 22-24. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.1

В статье рассматриваются тексты А. А. Зиновьева, А. В. Рубанова, которые меняют фокус представления современной автору действительности. В центре не отдельная судьба, а некое сверхсодержательное понятие. Анализ подобных понятий позволяет выстроить литературную парадигму абстрактного представления человека от гомо советикуса до гомо флоруса, помогает осознать миропонимание автора.

Ключевые слова и фразы: сверхсодержательное понятие; гомо советикус; гомо сапиенс; гомо флорус; интертекстуальность; концепт; роман-идея; А. Зиновьев; А. Рубанов.

Комовская Елена Витальевна, к. филол. н.

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, г. Пушкин

komovskaya86@mai.ru

ОТ ГОМО САПИЕНСА ДО ГОМО СОВЕТИКУСА К ГОМО ФЛОРУСУ (НА ОСНОВЕ РОМАНОВ-ИДЕЙ А. А. ЗИНОВЬЕВА И А. А. РУБАНОВА)

В текстах современных романов XX века и начала XXI акценты писателей смещены, их больше уже не интересует индивидуальная судьба человека, сюжетным пространством начинает управлять та или иная авторская идея, которая интертекстуальна по своей природе и сверхсодержательна. Данная интертекстуальность подготавливает новую почву для развития совершенно нового в жанровом отношении романа, или романа-идеи, где все действие подчинено развитию сверхсодержательной идеи, герои безлики, действие максимально упрощено, развивается только философская идея и под её влиянием меняется сам герой и вся художественная действительность.

Докажем это на примере романов А. А. Зиновьева «Гомо советикус», «Глобальный человек» и романов А. А. Рубанова «Хлорофилия», «Жизнь удалась». Оба писателя отсылают нас к значимому культурному понятию «*homo sapiens*», и каждый переосмысляет его в художественном пространстве по-своему. В результате А. А. Зиновьев выводит новый социальный тип «гомо советикуса» и последовательно описывает его. А. А. Рубанов, синтезировав и обобщив накопленные ранее исторические смыслы у данного понятия, выводит тип «гомо флоруса», пугающего своей реалистичностью за счет идентичности с установками и жизненными принципами современного *homo sapiens*.

Ю. П. Солодуб в своих исследованиях отмечал: «Интертекстуальность чаще всего трактуется как связь между двумя художественными текстами, принадлежащими разным авторам и во временном отношении определяемыми как более ранний и более поздний» [8, с. 51].

При исследовании интертекстуальных связей между текстами указанных писателей будет использоваться понятие «прецедентный текст» и «прецедентное высказывание», которое Ю. Н. Караулов понимает как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу» [4, с. 112].

Мы постараемся проследить единую идею текстов указанных авторов – деградацию современного человека в новых социальных условиях и её последовательное представление через интертекстуальные сверхсодержательные понятия: «гомо сапиенс», «гомо советикус» и «гомо флорус».

Исторически сверхсодержательные понятия «гомо советикус» и «гомо флорус» отсылают нас к выступлению Брежнева в 1976 году на XXV съезде, когда он рапортовал, что «СССР... стал родиной “нового, высшего типа человека разумного – Хомо Советикуса”, таким образом, в советском государстве люди “не сапиенсы, а советикусы”» [1, с. 23].

Явную негативную коннотацию и развенчание эта идея получает в тексте А. А. Зиновьева, люди постепенно из существ мыслящих переходят в разряд людей, оболваненных системой, государством, чтобы затем достигнуть ещё большей трагедии в романе А. А. Рубанова «Хлорофилия». После периода полного и тотального подчинения системе наступает эпоха, когда люди перестают стремиться к чему бы то ни было, они пассивны, настоящие растения: ничем не интересуются, ни к чему не испытывают чувств. Их заботит только солнце, вода «дабыл премиум Байкал» и мякоть стебля натуральная или во взгонках.

Удачно найденная А. А. Зиновьевым формула выражения идентичности героев, через элементарную мену букв «Н» и «Г» в слове «*homo*» (с латинского языка «*homo*» – разумный, а «*гомо*» – единичный, одинаковый), затем активно используется А. А. Рубановым и достигает своего апогея в характеристике современного человека в романе «Хлорофилия». Если возникновение «гомо советикуса» ещё можно было оправдать давлением на человека политической системы, то у А. А. Рубанова во всем виноват сам человек, это его личная деградация. Хлорофилия выражает общее сумасшествие человечества, решившего жить в едином мегаполисе – Москве и считающего, что за периферией её – жизни нет, это мы сами оболваниваем себя желанием постоянно наблюдать за чужой жизнью, вот почему в условиях новой России XXII века проект «Соседи», где постоянно кто-то кому-то изменяет, ссорится до драк, убивает другого, имеет огромную популярность. А. А. Рубанов показывает современный мир – мир, в котором распространенным стал лозунг «Ты никому ничего не должен» [7, с. 7]. Достигнув своего высшего воплощения, данная целевая установка разрушила все ценности, которыми ранее гордилась наша страна. Русский человек потерял территории: в Восточной Сибири создана Свободная Экономическая Зона, где работают и производят в «вечной мерзлоте» апельсины и другие

продукты питания китайцы. Великая страна сократилась до территории одного города – города, полностью лишённого солнца из-за стеблей травы, которая появилась неизвестно откуда. В новой России «каждый смертный с младенчества имеет под кожей микрочип» [Там же, с. 10], благодаря которому ему зачисляются деньги от сдачи Сибири в аренду, поэтому работать нет необходимости. Все общество XXII века делится на «бледных человечков», обитателей 30-го этажа и ниже, и «людоедов» – элита, живущая от 31 этажа до 100-го. Нищие слои общества – «все бледные, все веселые. Молодежь, особенно парни, сплошь “друзья”. Народ постарше – “соседи”» [Там же, с. 27]. «Никто тебе не откажет дать в долг, потому что каждый другому друг <...> однако не успеешь вовремя вернуть, попадешь в изолятор, где тебя распилят на части. Каждый из бледных состоит в проекте соседи добровольно, весь дом наполнен камерами, и они сутками по телевизору следят друг за другом» [Там же, с. 28]. Кругом «Гемнота, грязь, плесень, все спят по четырнадцать часов. Продуктовые лавки заколочены досками. Канализация не работает. Потому что не нужна. Никто ничего не ест. Даже чай не пьют. Только воду. Бесплатную, государственную. Из-под крана. Бледные граждане не пьют водку, у них есть мякоть стебля...» [Там же, с. 31]. Их быт больше нельзя описать известным романом Ф. М. Достоевского «Бедные люди», поэтому в их мире появляется новый писатель Гарри Годунов со знаменитой книгой «Бледные люди». Действительно, жизнь их представляет собой пустое времяпрепровождение: добывание мякоти, испытание кайфа, переживание отходника, четырнадцатичасовой сон, просмотр программы «Соседи» и все вновь по кругу. Им некогда переживать простые человеческие чувства: радость, боль, гнев, они простейшие растения, даже Храм Стеблежуя – нового божества посещать среди «бледных» некому, поэтому его жрецы постоянно вербуют новый приход среди зажиточного населения, или «людоедов». Впрочем, оно мало отличается от «бледных», единственное человеческое чувство, которое они способны ещё испытывать, – это гнев, если кто-то загораживает им солнце. Они «все едят мясо. Все злые и угрюмые. Работают. Суеются. Другим жить мешают. Не умеют радоваться» [Там же, с. 54]. Людоеды не могут радоваться, потому что между ними идет вечная борьба за место под солнцем, и это уже не становится простой метафорой в художественном пространстве произведения, это реальная битва за спасение от тени, которая нагоняет депрессию.

Вообще, если рассматривать мир романа «Хлорофилия», то он поделен согласно растительному: на сорняки – обитатели нижних этажей, конченные травоеды, бледные, которые не тянутся к солнцу, растут везде, но и мутаций на геномном уровне у них не происходит; элитные культуры – людоеды, которые употребляют в пищу только 8-ю и 9-ю взгонку травы, никогда не едят сырую мякоть травы, тянутся к солнцу, загорелые, но именно они дают миру мутированное, зеленое потомство и подвержены быстрой мутации сами.

Современная действительность XXII века в художественном пространстве представлена устрашающе: «Стебли – черно-зеленые чешуйчатые гадины двадцати пяти метров в поперечнике и около трехсот метров высотой... Отбирали все солнце. Заставляли людей чувствовать себя муравьями...» [Там же, с. 11]. Здесь происходит явная интертекстуальная отсылка к произведению А. А. Зиновьева «Глобальный человек», в котором писатель последовательно проводит мысль, что подобная античеловеческая организация жизни невозможна, она все равно погибнет. Суффиксальная авторская аналогия (слово «человек» легко соотносится с «муравейник») вызывает у читателя ассоциации с хаотичностью, неупорядоченностью, ничтожностью, претендующей на «глобальность» и значительность. По мнению исследователя В. А. Лукова, «человек» – это одно из тех понятий-метафор, введенных А. А. Зиновьевым, «которые придают его социологической концепции неповторимость» [5, с. 27]. Автор отмечает, что в социуме «Глобального человека» «всегда и во всем идет ожесточенная борьба между “человьями”» [3, с. 15]. Это же сравнение людей с муравьями использует в своем произведении А. А. Рубанов, однако помимо значения «хаотичности, жалкости, ничтожности» оно наполняется и дополнительным смыслом и соотносится с центральной философской мыслью Ф. М. Достоевского в романе «Братья Карамазовы»: «Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: перед кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в беспорядочный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей» [2, с. 143]. Именно этому третьему и последнему мучению всех людей посвящен роман А. А. Рубанова. Люди из-за собственной «бестолковости» теряют территории, интерес к жизни. Они начинают жить как растения, но надежда и спасение от общей болезни «хлорофилии» все-таки есть. Автор излечение всего человечества видит в единственной силе, которая, по его мнению, «гораздо значительней, чем все розенкрейцеры и тамплиеры, масоны и другие ордены». И сила эта – русская интеллигенция, которая «...творит историю, делает политику и культуру. ... казнит царей, устраивает революции, создает ракеты, бомбы и лекарства от всех болезней, которая... везде, и... всемогущая» [7, с. 128]. Именно на русскую интеллигенцию А. А. Рубанов возлагает надежду на спасение человечества от «гомо» или идентичности, от флоруса, или растительного существования, от советикуса, или оболванивания политической системой. Следовательно, А. А. Рубанов с А. А. Зиновьевым, с одной стороны, роднит пессимистический взгляд на будущее мира, если человечество не искоренит основные социальные болезни. С другой – он видит выход в силе русской интеллигенции, которая на протяжении веков спасала страну от полной деградации и от возможности тотального превращения в советикусов, возможно, и эпоха флорусов тоже будет побеждена. Ведь неслучайно жизнеутверждающей становится заключительная реплика главного героя романа – Савелия: «Мне все равно, кто я. Стебель, животное, гомо сапиенс. Травоед, людоед, бледный или наоборот. Я становлюсь человеком каждый раз, когда совершаю человеческий поступок. И пока у меня есть разум и сердце, я буду пытаться совершать такие поступки каждый день, каждую минуту. Мне все равно, кем я буду завтра. Тем более послезавтра. Если сегодня я человек, я сделаю все, чтобы им остаться. Я пока человек. Человек» [Там же, с. 143].

В. А. Пестерев подчеркивает, что у современного романа нельзя выделить ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа («генетической оси»), ни единого кода. Исходя из вышесказанного, *одной из предпосылок, способствующей появлению формы романа-идеи, можно считать неканоничность жанра романа вследствие его ризомности*, в результате чего «художественный эксперимент в романе плодотворен» [6, с. 161]. Указанные нами романы XXI века уже не исследуют отдельного человека, его психологические, социальные особенности, они начинают исследовать глобальные проблемы человечества, причем меняют фокус их рассмотрения. Если авторы предшествовавшей литературы общие проблемы рассматривали через призму частного, то современные писатели проектируют судьбы каждого читателя и человечества в целом безотносительно к индивидуальным историям жизни.

Список источников

1. Брежнев Л. И. Выступление на XXV съезде КПСС. М., 1989. 123 с.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. СПб.: Каравелла, 1993. 848 с.
3. Зиновьев А. А. Глобальный человек. М.: Эксмо, 2006. 380 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: МГУ, 1987. 216 с.
5. Луков В. А. Тезаурусный подход в социологии и зиновьевская идея человекника // ЗИНОВЬЕВ. Исключительный журнал. 2008. № 1 (2). С. 27-38.
6. Пестерев В. А. Романная проза запада рубежа XX-XXI веков // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 3 (15). С. 156-161.
7. Рубанов А. А. Хлорофилия. М.: АСТ; Астрель, 2009. 143 с.
8. Солодуб Ю. П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. М., 2000. № 2. С. 51-57.

**FROM HOMO SAPIENS TO HOMO SOVIETICUS TO HOMO FLORUS
(ON THE BASIS OF A. A. ZINOVYEV'S AND A. A. RUBANOV'S NOVELS-IDEAS)**

Komovskaya Elena Vital'evna, Ph. D. in Philology
Saint-Petersburg State Agrarian University, Pushkin
komovskaya86@mai.ru

The article deals with the texts of A. A. Zinoviev and A. V. Rubanov, who change the focus of the presentation to the author's contemporary reality. They emphasize not an individual fate, but a kind of supersubstantial notion. The analysis of such notions allows constructing a literary paradigm of the abstract representation of a person from Homo Sovieticus to Homo Florus, and helps to realize the author's worldview.

Key words and phrases: supersubstantial notion; Homo Sovieticus; Homo Sapiens; Homo Florus; intertextuality; concept; novel-idea; A. Zinoviev; A. Rubanov.

УДК 82

В статье предметно исследуется современная структура средств массовой информации Приднестровья, анализируются ее особенности. Установлено, что сегодня система СМИ Приднестровья представлена всеми типами средств массовой коммуникации: печатью, радио, телевидением, Интернетом. Традиционные СМИ республики значительно выделяются в структуре за счет своих отличительных характеристик – это функционирование на трех официальных языках: русском, молдавском, украинском; историческая составляющая; наличие уникальных особенностей, свойственных исключительно традиционным СМИ Приднестровья. Здесь мы выделяем, например, печатное издание «Адевэрул нистрян» – единственную в мире газету, которая выходит на молдавском языке на кириллической графике. В перспективе приднестровской журналистике предстоит решить много важных задач, среди которых совершенствование новых медиа, интеграция СМИ Приднестровья в мировое информационное пространство.

Ключевые слова и фразы: Приднестровье; Республика Молдова; современная структура средств массовой информации; традиционные средства массовой информации; новые медиа.

Кузнецова Анастасия Юрьевна
Российский университет дружбы народов, г. Москва
kuznetsova_nastya@mail.ru

**СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Приднестровская Молдавская Республика провозгласила свою независимость от Молдавской ССР 2 сентября 1990 года. На протяжении многих лет в стране сложилась непростая политическая ситуация (де-факто и де-юре), которая повлекла за собой определенную степень информационного дискомфорта. Такая обстановка